

Жак Лакан и Лео Штраус: политическое преследование и клиника бессознательного

МАУРИСИО РУХЕЛЕС ШЁНЕВОЛЬФ

Аспирант, философский факультет, Университет Париж 8; факультет клинической психопатологии, Университет Ренн 2. Адрес: 2 Rue de la Liberté, 93526 Saint-Denis, France. E-mail: mauricio_rugeles@hotmail.com.

Ключевые слова: Жак Лакан; Лео Штраус; политическое преследование; Маймонида; клинический психоанализ; письмо; цензура.

Автор статьи реконструирует теоретическую взаимосвязь между работой Лео Штрауса «Преследование и искусство письма» и клинической перспективой Жака Лакана, которая обнаруживается в его семинарах и сборнике *Écrits*. Ссылки на работы Штрауса в текстах Лакана появляются в те моменты, когда речь заходит о структуре бессознательного и о его чтении. Для Лакана то, каким образом логика бессознательного вытеснения работает в психическом субъекта, сравнимо с тем, как писатель обходит цензуру, наложенную обществом на его тексты. В первой части статьи автор ставит вопрос о том, почему истина и высказывающий ее субъект всегда находятся в оппозиции к власти — государственной, религиозной или сверх-Я. Механизмы письма в ситуации цензуры подробно описаны Лео Штраусом в «Преследовании и искусстве письма»: противоречие, логическая ошибка, настойчивое опровержение утверждения, которое на самом деле автор желает защитить.

В статье акцент делается на Символическом, организованном в логике означающего, как ее понимает Лакан. Автор изучает понятия Штрауса, используемые Лаканом, и подробно анализирует техники письма между строк, описываемые Штраусом, а затем рассматривает применение этих техник для анализа бессознательного. Лакан использует Штрауса, чтобы понять, как функционирует бессознательное и как происходит передача истины (в данном случае — субъективной истины бессознательного) из позиции непедагогической. Функционирование психоаналитической клиники как раз и обусловлено передачей истины, которая никаким иным способом передана быть не может. Работа Штрауса основана на средневековой иудейской философии, в особенности на комментариях Маймонида к еврейской теологии. Лакан использует этот материал, чтобы проиллюстрировать свой клинический подход.

Перевод с английского *Софьи Лосевой*.

ВЛИЯНИЕ Александра Кожева на теорию и клинику Жака Лакана отмечалось многими авторами, и сам Лакан много раз упоминал об этом влиянии. Однако влияние на Лакана теорий другого автора — Лео Штрауса — отмечено не было, хотя оно было чрезвычайно важно для той техники чтения, которую предлагал Лакан, и для его первых разработок в клинике бессознательного. Почему Лео Штраус? Он был большим другом Кожева, но эти два философа стояли на абсолютно противоположных политических позициях: Кожев был «сталинистом», защитником СССР в Европе (не без иронических черт, отметим), а в дальнейшем оказал сильное влияние на создание Европейского союза. Штраус же оказался в Штатах, где стал профессором Чикагского университета и вдохновил течение, называемое неоконсервативным, которое имеет большую популярность в американской республиканской партии.

Мы находим у Лакана прямые и не прямые отсылки к работам Штрауса; в этом тексте я проанализирую прямые отсылки и их последствия в клинике Лакана. Не прямые же отсылки относятся к дискуссии, выходящей за рамки целей этого текста: о взаимоотношении науки, знания и истины. Хотя эта дискуссия и начинается отчасти в связи со Штраусом, но выходит далеко за пределы отношений между Лаканом и Штраусом. Работа Штрауса основана на его чтении классических и средневековых авторов, в особенности принадлежащих к греческой, иудейской и мусульманской традициям; лакановское прочтение Маймонида, очевидно, опосредовано штраусовским прочтением того же автора. Среди множества отсылок к Штраусу единственная работа, на которую Лакан ссылается напрямую, — «Преследование и искусство письма»¹; именно этот текст я и буду здесь анализировать. Выв-

1. См.: *Strauss L. Persecution and the Art of Writing*. Chicago: University of Chicago, 1988. Лакан пользовался изданием, современным его первому семинару, в котором он и говорит об этой книге: *Idem. Persecution and the Art of Writing*. Glencoe, IL: Free Press, 1952.

См. перевод на русский язык статьи Лео Штрауса 1941 года, которая в виде ключевой главы легла в основу одноименной книги 1952 года: *Штраус Л. Преследование и искусство письма* / Пер. с англ. Е. Кухарь под ред.

ляя связь между Лаканом и Штраусом и то влияние, которое этот автор мог оказать на Лакана, я хочу показать, как мы можем обнаружить у Штрауса указания: 1) на способ чтения и понимания бессознательного; 2) на то, каким образом можно передать истину, добродетель непедагогическими методами, то есть как функционирует психоаналитическая клиника.

Первую отсылку, которую Лакан дает на Штрауса, мы находим в первом семинаре, где Лакан говорит о структуре бессознательного. Именно в это время понятия об означающем и означаемом, позаимствованные у лингвистики, вводятся в работу Лакана. Вот что он говорит:

Ляпсус для него состоит в том, что субъект, пользуясь знаком, нечаянно говорит нечто другое — *aliud*, — чем то, что он хочет сказать. Другой показательный пример двусмысленности дискурса дает эпикуреец. Эпикуреец, рассуждая о функции истины, приводит аргументы, которые, как ему кажется, убедительно им опровергнуты. Однако аргументы эти несут в себе истину столь весомую, что укрепляют у слушателя убеждение, в точности обратное тому, что хотел внушить эпикуреец. Кроме того, вам прекрасно известно, как замаскированный дискурс, дискурс гонимой речи, как сказал небезызвестный Лео Штраус, при режиме политического давления, например, умеет высказать свои подлинные мысли под видом спора с ними².

В этой части своего семинара Лакан задается вопросом о том, как читать бессознательное, и читает его так, как если бы это был текст. Итак, как следует интерпретировать противоречия и логические ошибки, если хочешь обнаружить истину? По Лакану, оговорка и текст, написанный в период политических преследований, аналогичны, обладают одинаковой структурой, то есть высказывают истину через ее отрицание. Эта идея может служить нам введением в работу Лео Штрауса, который посвящает себя чтению текстов, написанных во времена политического преследования. Далее мы подробно рассмотрим, каким образом Штраус предлагает писать и читать в такие периоды и какая здесь связь с клиникой.

А. В. Павлова // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 3. С. 12–25. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2013/01/16/1302893719/11_3_02.pdf. — Прим. ред.

2. Лакан Ж. Семинары. М.: Гнозис; Логос, 1998. Кн. 1: Работы Фрейда по технике психоанализа. С. 340.

Исходная точка и ядро работы Штрауса вот в чем: как передать истину? Ответ Штрауса опосредован чтением текстов Платона философом аль-Фараби. С точки зрения этого автора, исторически первым человеком, от имени философии выразившим истину и передававшим ее, был Сократ; сократический метод передачи истины заключался в речи³. Это привело к конфликту с государством, в результате которого Сократ парадоксальным образом выбрал смерть, чтобы продолжить говорить истину. В противоположность этому решению Платон избежал конфликта с государством, выбрав письмо в качестве способа передачи истины. Таким образом, он решил сохранить истину для ограниченного количества людей. Но почему истина и вслед за ней философ находятся в оппозиции к государству? Потому что принятые точки зрения, на которых базируется общество, противопоставлены истине и ее поиску.

Из «Платона» Фараби мы узнаем о наиболее очевидной и неприглядной причине, по которой возникла необходимость в этом устаревшем или забытом различии [между эзотерическим и экзотерическим текстами]. <...> Общество не признавало философию и право ею заниматься. Между философией и обществом не было гармонии. <...> Для защиты философии потребовалось экзотерическое учение. Это были доспехи, в которых следовало являться философии. Это была политическая необходимость⁴.

Таким образом, философия была поделена надвое: экзотерическая часть была практичной и политической, направленной на изменения в обществе; эзотерическая же, для посвященных, была ближе к истине. Появились «вульгарная» истина и истина скрытая. Лео Штраус напоминает нам, в каких условиях писали Платон и аль-Фараби: это были периоды политических волнений и отсутствия свободы высказывания. Поэтому философская истина должна была быть спрятана, эзотеризирована, записана таким способом, чтобы не все могли ее понять.

Фараби писал свои работы в период распространения ислама, а религия вступает в противоречие с философией, ведь философия может уменьшить веру ее адептов. Здесь Штраус напоминает нам о теологических различиях между религиями и о влиянии различных религиозных позиций на философский текст:

3. *Strauss L.* Op. cit. P. 16.

4. *Ibid.* P. 17–18.

Для христианина священная доктрина — теология откровения; для иудея и мусульманина священная доктрина — во всяком случае в первую очередь — разрешенная интерпретация Божественного закона (*Талмуд* или *фикх*). Священная доктрина в этом втором понимании имеет, мягко говоря, мало общего с философией — меньше, чем священная доктрина в первом понимании. В конце концов, именно по этой причине положение философии было принципиально значительно менее устойчивым в иудаизме и мусульманстве, чем в христианстве, где философия стала частью официально признанного и даже необходимого курса обучения священной доктрине. Это различие частично объясняет постепенный коллапс философского вопрошания в исламском и иудейском мирах, коллапс, которому нет аналога в западном христианском мире⁵.

Итак, согласно Штраусу, религия была важным фактором в признании философии: если в христианстве религия проявляется в логике откровения, то есть веры, то в других религиях важнее отношения с законом. Благодаря этому в христианстве появилась возможность большего принятия размышлений в обществе. Но это не означает, что философия в христианском мире была интереснее; напротив, она находилась под прямым контролем церкви, что уменьшало свободу индивида философствовать, как ему того хотелось. Философия же у мусульман и иудеев была эзотерической как в частных беседах, так и в текстах для посвященных, но свободы мысли было больше, чем в христианском обществе. Именно по этой причине Штраус анализирует больше авторов иудейской и мусульманской традиций: их теории, хоть и надежно скрытые, представляют собой совсем другой уровень размышления. По аль-Фараби, ситуации в иудейском и мусульманском мирах были близки к ситуации, в которой Платон писал свои тексты, к ситуации, когда новая мысль могла привести к смерти; по этой логике Платона следует читать как эзотерического автора, как средневекового мусульманского философа.

В то же время, по Штраусу, преследование и цензура не происходили исключительно из религии: в то время, когда он писал свою работу, единообразие голосов в обществе было требованием правительства. Вспомним, что Штраус, будучи евреем, был вынужден бежать из обстановки интеллектуального и физического преследования немецкого национал-социализма. Однако проблема преследования заключается в том, что оно не способ-

5. Ibid. P. 19.

но по-настоящему предотвратить ни саму по себе независимую мысль, ни ее выражение. Это выражение может быть устным, для близкого круга, или письменным — между строк (через использование риторической техники, предназначенной для сокрытия того, что хотят сказать). Последствием такого типа письма является передача фрагментов истины намеками, подсказками, которые открываются читателю. Но как гарантировать, что тот, кто прочтет и поймет, не выдаст автора властям? Штраус так отвечает на этот вопрос:

Факт, делающий подобную литературу возможной, может быть выражен аксиомой, что недальновидные люди — невнимательные читатели и лишь дальновидные люди — внимательные читатели. Таким образом, автор, желающий обратиться только к дальновидному читателю, должен писать таким способом, чтобы лишь внимательный читатель мог понять смысл его текста. Но нам могут возразить, что могут существовать умные люди, внимательные читатели, на которых нельзя положиться и которые, разоблачив автора, сдадут его властям. Между тем такая литература была бы невозможна, если бы было абсолютно неверным изречение Сократа, что добродетель — это знание и, следовательно, что знающие люди как таковые надежны и не жестоки⁶.

Именно здесь пересекаются способы чтения и вопросы Лакана и Штрауса: в их прочтении платоновского «Менона» добродетель является знанием, которое невозможно преподать, но которое работает так же, как другое знание. Этот вопрос Лакан будет задавать в семинарах II, VII, XII, XIII, XVII, XVIII, XXI и т. д., вводя множество нюансов и корректировок. По Лакану, психоанализу присуща особая этика, которая происходит из специфической клиники; психоанализ производит такое знание, которого нельзя достичь иным путем. По Штраусу, эзотерическая литература адресована добродетельному читателю — и я бы провел здесь параллель с речью и письмом Лакана как эзотерическими явлениями. С другой стороны, читатель недобродетельный, цензурирующий, должен доказать, что в тексте содержится нечто подлежащее цензурированию; задача доказательства падает на цензора, который, по аксиоме Штрауса, не способен отдавать себе отчет в наличии подцензурных элементов. Важность эзотерического письма для обхода цензуры в истории человечества сложно переоценить: собственно говоря, большинство текстов напи-

6. Ibid. P. 25.

саны в такое время, когда мысль в обществе подавлялась. Исключения составляют философы эпохи модерна XVII и XVIII веков, когда было возможно высказывать мысль в прямой форме. В каком-то смысле в истории человечества практически не существовало периодов такой свободы.

Далее Штраус рассказывает о способах чтения эзотерических текстов. Один пример — это прочтение противоречивых высказываний. Он говорит:

Если мастер в искусстве письма совершает такую грубую ошибку, которой постыдился бы и школьник-отличник, резонно предположить, что эти ошибки намеренны, особенно если автор упоминает, даже походя, возможность намеренных ошибок на письме⁷.

Этот способ чтения принимает логические ошибки не за ошибки, а ищет за ними внутреннюю логику. Разве не очевидна здесь связь со структурой оговорки? Хотя психоаналитик ищет, скорее, причины для такого типа ошибок (желание, сверх-Я, волю⁸) на уровне бессознательного (поскольку большую часть времени анализант не отдает себе отчета в том, что говорит), тем не менее и здесь ошибка — не просто ошибка.

Чтобы детализировать свое рассуждение о чтении эзотерических текстов, Штраус обсуждает классический текст иудейской традиции — «Руководство для заблудших» Маймонида. На лакановское прочтение Маймонида, несомненно, повлияли разработки Штрауса — мы это увидим. О Маймониде Лакан говорит немного, хотя эта книга могла среди прочих оказать сильное влияние на его клинику. Вот что Лакан говорит о Маймониде:

Существуют отношения, которые никакой дискурс не может выразить, разве что — между строк. В следующий раз мы поговорим об эзотерическом труде, «Руководстве для заблудших» Маймонида. Вы увидите, каким образом он умышленно организует свой дискурс так, чтобы то, что он хочет сказать и что само по себе неизреченно — это его слова, — могло бы тем не менее открыться. То, что не может или не должно быть сказано, он говорит посредством определенного беспорядка, определенных разрывов, интенциональной несогласуемости. Но способ организации дискурса субъекта также находит свое выражение — только нечаянное, спонтанное — в ляпсусах, брешах, умолчаниях, по-

7. Ibid. P. 30.

8. *Lacan J. Kant avec Sade // J. Lacan. Écrits. P.: Seuil, 1999. Vol. 2.*

вторениях. Вот что должны мы уметь прочесть. Мы еще вернемся к этому, поскольку такие тексты стоит сопоставить⁹.

Однако Лакан так и не вернулся к этим текстам после этого упоминания — в настоящем тексте мы сделаем попытку продолжить эту задачу. Лакан говорит, что то, что Маймонид делает в своих текстах намеренно, вытеснение делает вне сознательного намерения. Взяв текст Штрауса о Маймониде, я нахожу два типа аллюзий, которые приближаются к такому прочтению Лакана: они говорят или о логике бессознательного, или о клинике этой логики. Лакан настаивает на первом типе отсылок, а не на втором, хотя указанные аллюзии в свете психоанализа демонстрируют свою связь с психоаналитической техникой.

По поводу записи имен бога Маймонид оказывается перед дилеммой:

Действительно, Маймонид недвусмысленно указывает, что прямая и непосредственная передача тайны вещей или тайны Торы невозможна по природе. Однако он также указывает, не менее недвусмысленно, что такая передача запрещена законом¹⁰.

Описывать божественную природу и раскрывать секреты невозможно, но это также запрещено законом. Здесь можно вспомнить то, что Лакан и Фрейд говорят об инцесте: что по ту сторону запрета на инцест мы обнаруживаем реальную невозможность инцеста как слияния, полного возврата к матери. Тем не менее Маймонид кое-что говорит о тайнах, хоть и не напрямую, с помощью намеков и упоминаний. В этом он сближается с Лаканом: как можно высказать что-то о реальном, но не-все; истина здесь становится подобием реального. В клинике мы обнаруживаем технику высказывания интерпретаций, располагающихся неподалеку от истины: раскрывать пациенту истину о нем самом, о том, с кем аналитик знаком лишь поверхностно, значит заблуждаться, ведь пациент в начале анализа не в том положении, чтобы ее принять. Так, аналитик и бессознательное в одно и то же время высказывают истину и скрывают ее. Именно это делает Маймонид:

Цель «Руководства», таким образом, не только в раскрытии истины, но и в ее сокрытии. Или, выражаясь количественно, зна-

9. Лакан Ж. Семинары. Кн. 1. С. 322.

10. Strauss L. Op. cit. P. 59.

чительное количество высказываний делается для того, чтобы сокрыть истину, а не высказать ее¹¹.

Истина может быть высказана лишь частично, и большую часть времени она одновременно и скрыта, и раскрыта. Этот факт иллюстрирует один аспект бессознательного, который Лакан изучает в семинарах IV и X: бессознательное лжет. Анализируя фрейдский случай женской гомосексуальности, он обнаруживает, что бессознательное не является средством высказывания истины, а устроено сложнее: для того чтобы некая истина была высказана, она должна принять форму лжи.

Каким образом Маймонид высказывает одновременно истину и ложь? Как он одновременно передает и скрывает истину? Штраус утверждает:

Пожалуй, нет более эффективного способа скрыть истину, чем через противоречие. Так, Маймонид делает противоречивые утверждения по всем важным вопросам; он раскрывает истину через утверждение и скрывает ее через отрицание¹².

Итак, противоречие является основным инструментом Маймонида. Штраус показывает, что он использует 6 типов противоречивого высказывания; здесь мы входим в поле логики, и в частности — логики бессознательного. Перед тем, однако, как приступить к изучению логики, я хотел бы обозначить те рамки, в которых Штраус и Маймонид занимаются логикой. Возьмем следующий пример:

Разве нельзя мысленно прибавить к каждому существительному придаточное предложение, которое бы кардинальным образом влияло на смысл основного и которое, даже будучи опущенным осторожным писателем, может быть прочитано внимательным читателем? Разве нельзя достичь самых поразительных результатов с помощью слов «почти», «возможно», «кажется»?¹³

То есть Штраус отмечает, что через исключение или добавление означаемого следующая за ним фраза приобретает иное значение. Логика, представленная здесь, — это логика означаемого, того, как означаемое изменяет смысл всей цепочки. Противоречия, таким образом, вводятся на уровне означаемого.

11. Ibid. P. 66.

12. Ibid. P. 73–74.

13. Ibid. P. 78.

Лакан упоминает о том, как сам Маймонид высказывается по поводу такого типа конструирования текста на основе противоречивых высказываний. По его мнению:

Применение к оценке того или иного труда именно тех принципов, которыми автор в своем построении руководствуется, — вот основное правило всякой здоровой критики. Так, например, Спинозу нужно постараться понять исходя из тех принципов, которые сам он выдвигает как наиболее пригодные для мышления и преобразования интеллектуальных способностей. Другой пример — Маймонид, еще один мыслитель, подобранный для понимания мира кое-какие ключи. В трудах его мы находим прямые указания на то, каким образом следует вести исследования. Применяя эти указания к работам самого Маймонида, нам удастся понять, что именно он хотел в них сказать. Таким образом, мы лишь следуем самому общему правилу, когда, читая Фрейда, пытаемся применить к его трудам те принципы понимания и осмысления, которые в них самих же и сформулированы¹⁴.

Этот отрывок важен для нас, потому что он показывает, как Лакан использует форму, использованную Маймонидом для кодирования своих текстов, чтобы читать Фрейда: он применяет к Фрейду код, использованный самим Фрейдом. По этой логике Лакана следует читать никак иначе, как с помощью того кода, который он изобретает для своих текстов. И таким же образом Лакан советует следовать за бессознательным каждого пациента, руководствуясь его собственной внутренней логикой, которая впоследствии будет формализована с помощью логики языка. Если Лакан советует следовать логике Маймонида, то потому, что эти соображения понадобятся ему в дальнейшем, чтобы приблизиться к вопросу о логике бессознательного. Вот почему нам важно рассмотреть логику маймонидовских противоречий подробнее.

Штраус с помощью формул показывает, как Маймонид пользуется противоречием для высказывания истины. Лакан делает ссылку именно на эту часть как на аналогию с работой бессознательного. Возьмем пять формул одну за другой и проведем связь с клиникой.

(1) Наиболее очевидный метод — высказаться об одном и том же объекте противоположным образом на страницах, далеко отстоящих друг от друга. Символически этот метод можно пред-

14. Лакан Ж. Семинары. М.: Гнозис; Логос, 1999. Кн. 2: «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа. С. 166.

ставить так: $a = b$ (страница 15) — $a \neq b$ (страница 379). Учитывая, однако, нашу обычную невнимательность при чтении, это расстояние между страницами можно сократить до любого положительного числа¹⁵.

Здесь речь идет о самом простом виде противоречия; в клинике мы часто встречаемся с тем, что пациент отрицает в конце сеанса то, что утверждал в самом его начале.

(2) Вариация этого метода — сделать одно или более противоречивых высказываний будто бы походя. Хороший пример — иногда встречающееся у Маймонида отрицание всего священного законодательства.

Иногда противоречие встречается нам в виде, казалось бы, вовсе незначительной детали, маленького фрагмента анализа. Отрицанию подвергается одно означающее, но это изменяет смысл всего сказанного ранее.

(3) Третий метод заключается в отрицании не утверждения самого по себе, а следствий из него. Символически: $a = b - b = c - [a = c] - a \neq c - [a \neq b]$. В квадратные скобки заключены предположения, которые прямо не произносятся. Проиллюстрировать этот метод можно следующим примером: противоречием между утверждениями «Путеводитель относится к Учению о Начале» и «Учение о Начале есть не что иное, как наука о природе», с одной стороны, и «Путеводитель не говорит о природе», с другой стороны, или противоречием между утверждениями, что «разъяснение тайн невозможно по природе» и «разъяснение тайн невозможно по закону».

В этой формуле Штраус воссоздает аргумент Маймонида: написанное в квадратных скобках — это логические допущения Маймонида, которые он оставляет невысказанными напрямую. Пример этой логики у Фрейда — забывание имени собственного в «Психопатологии обывденной жизни», где Фрейд анализирует цепочки означающих по методу свободных ассоциаций и реконструирует их логику. Мы можем сказать, что находящееся в квадратных скобках — это вытесненные ассоциации, которые в ходе анализа восстанавливаются в цепочке. Следующая формула — вариация предыдущей:

15. *Strauss L. Op. cit.* P. 70–71. На этих страницах приведены все шесть формул.

(4) Другой метод — противоречие высказанному не напрямую, а через его якобы повторение, при котором на самом деле добавляется или опускается нечто явно не высказанное. Символически: $a = b - [b = \beta + \varepsilon] - a = \beta - [a \neq b]$.

Важно отметить здесь позицию элемента ε : именно его присутствие делает неравными отношения между остальными элементами. Эта формула представляет собой усложнение логики метонимии и пример функционирования «точки пристежки» у Лакана: это утверждение, предположительно вытесненное, придает смысл всему высказыванию. У этой формулы также есть вариация:

(5) Еще один метод — добавление между двумя противоречивыми высказываниями промежуточного утверждения, которое само по себе не противоречит первому высказыванию, но вступает в противоречие с ним из-за добавления или опущения чего-то явно не высказанного; противоречивое утверждение вкрадывается в рассуждение под видом повторения промежуточного утверждения. Символически: $a = b - a \neq \beta - [b = \beta + \varepsilon] - a \neq b$.

Этот метод производит следующую операцию: отрицание утверждения через следствия из отрицания последующего. Эта операция выполняется в анализе очень часто: неудача некоторых идентификаций, произведенная внутренними противоречиями в цепочке идентификаций. Мы можем прочесть символ ε и по-другому: не может ли это быть объект a , который скользит в цепочке означающих, не находя в ней себе места, но производя самые неожиданные означающие эффекты?

Вот последняя формула:

(6) пользоваться двусмысленными словами. Символически: $a = c - [c \neq b < \frac{a \neq b}{a + b}]$. Например, фраза «некоторое утверждение является дополнением» может означать истинное дополнение к неистинному утверждению или неистинное — к истинному.

Штраус показывает, что в логике возможна двусмысленность, что следствия из утверждения могут рождать апории. В то же самое время такая двусмысленность характерна для означающего вообще, что роднит ее с логикой метафоры. Когда аналитик слышит от своего пациента слово «порог» («порок»?), он пытается не столько определить по контексту, какой смысл следует придать этому слову из двух возможных, но рассмотреть логические следствия из обоих.

Текст Штрауса о Маймониде не исчерпывается логикой противоречий, он также рассматривает технические и этические аспекты, которые можно поставить в соответствие с анализом. Вот как выглядит передача истины по Штраусу:

Чтобы убедиться в существовании этого механизма, стоит лишь напомнить себе о том, как действует умудренный человек, желающий передать истину, о которой ему известно, что она не подходит для всех, тому, кто может быть (а может не быть) в состоянии воспринять ее. Он даст другому намек, высказав сомнение по поводу очевидно незначительного следствия или предпосылки общепринятого суждения. Если слушатель понимает намек, учитель может разъяснить свою мысль полнее и, таким образом, привести его к суждению, которое с необходимостью располагается ближе к истине (так как предполагает определенный ход рассуждения), чем общепринятое суждение. Но что он делает, если ученик не понял намека? Он просто остановится. Что не означает, что он перестанет говорить. Напротив, поскольку неожиданным молчанием он может лишь смутить ученика, никак ему не помогая, он продолжит говорить о первом суждении, придавая ему более привычный смысл, и так постепенно вернет ученика в безопасную область общепринятых взглядов¹⁶.

Этот механизм передачи истины очевидно близок к логике разреза, купюры, остановки сеанса в лакановской психоаналитической клинике с той разницей, что Лакан допускает возможность оставить пациента в растерянности, удивленным. Мы обнаруживаем здесь молчание преподающего другому как средство передачи чего-то, что не может быть выражено иначе. Историческое исследование введения понятия разреза у Лакана еще предстоит выполнить: помимо мастеров дзен, о которых он кратко упоминает в начале своего первого семинара, довольно трудно найти другие источники, которые могли бы вдохновить Лакана на изобретение купюры. Кроме того, связь между Лаканом и традицией, описанной Штраусом, устанавливается в вопросе передачи истины.

Помимо прочего, в последней главе Руководства он утверждает, что большинство предписаний закона являются всего лишь средством обретения моральной добродетели, которая, в свою очередь, является лишь средством, служащим истинной цели,

16. Ibid. P. 53.

а именно спекулятивной добродетели, или истинному знанию о божественных вещах¹⁷.

Таким образом, поиск у Маймонида не ограничивается поиском личной добродетели, но является средством познания мира. Здесь можно вспомнить дискуссию о Платоне: добродетель есть знание, которое трудно получить и трудно передать. У этой идеи есть прямые параллели с психоанализом, как его понимает Лакан: Лакан не теоретик, его статьи и семинары не представляют собой изреченную истину. Настоящее противостояние между истиной и знанием, которое предлагает психоанализ, — это знание о себе самом, знание, которое не только проистекает из некоей этики и ведомо ей, но сталкивает субъекта с его собственной истиной и его местом в мире. Именно поэтому стоит настаивать на важности клинических эффектов психоанализа.

Лакан вновь упоминает книгу Штрауса в «Инстанции буквы в бессознательном», говоря о структуре означающего и означаемого. Поразительно, что фрагмент, в котором Лакан говорит о книге Штрауса, не привлек должного внимания.

Но, возвращаясь к прежнему, спросим: что же еще находит человек в метонимии, кроме возможности обходить препятствия социальной цензуры? Эта форма, дающая угнетаемой истине свое пространство, не обнаруживает ли она некоей присущей ее показу рабской зависимости? С немалой пользой для себя можете вы прочесть книгу, где Лео Штраус, вступив на ставшую традиционным убежищем для избравших свободу землю, предается размышлению о соотношении между преследованием и искусством письма. Изучив тщательнейшим образом соприродность этого искусства состоянию преследования, он обращает внимание на нечто особое, что накладывает здесь свой отпечаток, проявляясь в воздействии истины на желание¹⁸.

Штраус эмигрировал в США, где его книга, как и предсказывал Лакан, не имела большого резонанса. Однако Лакан понял, что механизмы, которые описал Штраус, — это операции с означающими, сходные с теми, которые описывал в своих работах Фрейд. Штраус и Маймонид говорили о реальной цензуре и о том, как обойти ее; Фрейд и Лакан говорили о цензуре бессознательной, такой, как в работе сновидений, и о том, каким образом через представ-

17. Ibid. P. 89.

18. *Lacan J. L'instance de la lettre dans l'inconscient ou la raison depuis Freud // Écrits. P.: Seuil, 1966. P. 508–509.*

ления (*Vorstellungen*) можно эту цензуру обойти и интерпретировать. В соответствии с этикой психоанализа, если и существует место абсолютной свободы слова — это кабинет психоаналитика; при этом субъект должен нести ответственность перед самим собой за то, что он говорит, и признать в сказанном свое желание. Обретение знания в психоанализе возможно лишь путем личного анализа, и обретение этого знания производит эффект на субъекта.

Библиография

- Lacan J. Kant avec Sade // Idem. *Écrits II*. P.: Seuil, 1999.
- Lacan J. L'instance de la lettre dans l'inconscient ou la raison depuis Freud // Idem. *Écrits*. P.: Seuil, 1966. P. 493–528.
- Strauss L. *Persecution and the Art of Writing*. Chicago: University of Chicago, 1988.
- Strauss L. *Persecution and the Art of Writing*. Glencoe, IL: Free Press, 1952.
- Лакан Ж. Семинары. Кн. 1: Работы Фрейда по технике психоанализа. М.: Гнозис; Логос, 2009.
- Лакан Ж. Семинары. Кн. 2: «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа. М.: Гнозис; Логос, 1999.
- Штраус Л. Преследование и искусство письма // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 3. С. 12–25.

JACQUES LACAN AND LEO STRAUSS: POLITICAL PERSECUTION AND THE CLINIC OF THE UNCONSCIOUS

MAURICIO RUGELES SCHOONEWOLFF. Postgraduate student, Philosophy Department, Université Paris 8; Clinical Psychopathology Department, Université Rennes 2. Address: 2 Rue de la Liberté, 93526 Saint-Denis, France.
E-mail: mauricio_rugeles@hotmail.com.

Keywords: Jacques Lacan; Leo Strauss; political persecution; Maimonides; clinical psychoanalysis; writing; censorship.

The author of the article reconstructs the theoretical relationship between Leo Strauss's *Persecution and the Art of Writing* and Jacques Lacan's clinical perspective, found in his *Seminar* and in his *Écrits*. References to the works of Leo Strauss appear in Lacan's texts when he speaks of structure and reading of the unconscious. For Lacan, the way the logic of unconscious repression works in the subject's *psyche* can be compared to the way a writer bypasses censorship imposed by society on his texts, according to Leo Strauss. In the first part of the article, the author studies the reasons for the fact that the truth and the subject revealing it are always in a position of opposing the power: be it a state, a religious institution or super-ego. Mechanisms of writing in a situation of censorship are described by Leo Strauss in detail in *Persecution and the Art of Writing*: contradiction, logical fault, persistent refutation of a statement that the author actually seeks to advocate.

Emphasis is made on the Symbolic, guided by the logic of the signifier, as understood by Lacan. In the article, the author isolates the references and concepts that Lacan borrows from Strauss, and analyzes in depth Strauss's techniques for writing between the lines, in order to apply these techniques in analyzing the unconscious. Lacan uses Strauss to understand how to the unconscious functions and how to transmit truth (in this case, the subjective truth of the unconscious) from a position that is not pedagogical. The functioning of the psychoanalytical clinic is conditioned exactly by transmitting the truth that cannot be transmitted otherwise. Strauss's work is based on medieval Jewish "philosophy," specifically Maimonides's comments on Jewish theology. This detour is used by Lacan to exemplify his clinical approach.

References

- Lacan J. Kant avec Sade. *Écrits II*, Paris, Seuil, 1999.
- Lacan J. L'instance de la lettre dans l'inconscient ou la raison depuis Freud. *Écrits*, Paris, Seuil, 1966, pp. 493–528.
- Lacan J. *Seminary. Kn. 1: Raboty Freida po tekhnike psikhoanaliza* [Le séminaire, Livre I: Les écrits techniques de Freud], Moscow, Gnozis, Logos, 2009.
- Lacan J. *Seminary. Kn. 2: "Ia" v teorii Freida i v tekhnike psikhoanaliza* [Le séminaire, Livre II: Le moi dans la théorie de Freud et dans la technique de la psychanalyse], Moscow, Gnozis, Logos, 1999.
- Strauss L. *Persecution and the Art of Writing*, Chicago, University of Chicago, 1988.
- Strauss L. *Persecution and the Art of Writing*, Glencoe, IL, Free Press, 1952.
- Strauss L. Presledovanie i iskusstvo pis'ma [Persecution and the Art of Writing]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], 2012, vol. 11, no. 3, pp. 12–25.